

— Иония.

Он уже собирался вернуться в свою комнату, когда услышал своё имя, и, обернувшись, увидел, как Лукас высунул голову из своей комнаты и манит его к себе.

— Зайди на минутку.

Иония склонил голову и направился в комнату Лукаса.

— Что? Что случилось? Ого.

Как только он вошёл в комнату, Лукас бросил ему свёрток, который держал в руках. Иония поймал его обеими руками и моргнул.

— Это что?

— Подарок. Разве сегодня не твой день рождения?

Глаза Ионии широко раскрылись от удивления. Это была правда; в тот день ему исполнилось шестнадцать.

Прошло пять лет с тех пор, как он поступил в академию высших наук. Его лучший друг с момента их знакомства становился всё сильнее и достиг телосложения взрослого мужчины. У Лукаса было мускулистое тело воина, с которым не мог сравниться ни один обычный взрослый мужчина.

Иония был не исключением.

За последние четыре года он сбросил оболочку мальчика, как физически, так и ментально. Он был на полголовы ниже Лукаса, но всё равно достаточно высок. Его хорошо натренированные конечности были крепкими, гибкими и мускулистыми, но без излишней массы. Невинный свет в его фиалковых глазах исчез, и вместо этого он стал молодым человеком со скрытным, наблюдательным взглядом.

Однако сейчас Иония склонил голову набок, удивлённый внезапным подарком лучшего друга. Лукас рассмеялся, увидев неожиданно умильное выражение на лице Ионии.

— Спасибо. А что это?

— Пара перчаток. Я видел твои перчатки во время тренировки по фехтованию, они были истрёпаны и почти порвались у большого пальца.

— Спасибо... Но до прошлого года ты всегда водил меня по городу, покупал выпивку и... всё такое. Что изменилось в этом году?

— Прошлогодний подарок тебе не понравился, так что я решил на этот раз подарить что-то материальное.

Лукас усмехнулся, вспоминая инцидент на прошлогодний день рождения Ионии. Иония поморщился от воспоминаний.

В прошлом году Лукас повёл его в город отпраздновать день рождения. Но после ночи веселья он отвёл его в бордель, чтобы избавить от девственности. Когда они ступили в квартал красных фонарей, Лукас выглядел не на свои пятнадцать лет, а скорее как мужчина, привыкший к

женскому обществу.

Иония отчаянно сопротивлялся приглашению.

Он был далеко не в восторге, вместо этого упрямо мотая головой в знак несогласия. Поняв, что Иония решительно против, Лукас отпустил его и извинился.

— Прости, что заставил тебя пойти со мной. Мне показалось, ты совсем не избавляешься от своих демонов, и я подумал, тебе бы понравилось.

Иония возмутился бесстыдным словам Лукаса.

— Это не твоё дело! И потом... мне это не нужно, пока что.

— Почему? Тебя не интересует секс? Должно же быть напряжение.

Это было правдой: в последнее время он чувствовал тяжёлое напряжение внизу живота и прибегал к помощи своей руки, чтобы снять его. Но у него никогда не возникало желания испытать такое освобождение с кем-то другим. Его тело выросло, но интерес к любви и сексу был чем-то, что Иония в какой-то момент отложил и полностью оставил позади.

С одиннадцати лет в его сердце было место только для одного человека.

Что-то с ним было не так? Пока Иония размышлял об этом, Лукас сказал то, о чём он даже не задумывался.

— Даже твой возлюбленный принц Гравис этим занимается. Должно быть, и он.

Иония был ошеломлён.

— К-как он может?! Ви только тринадцать лет.

— Что значит «как»? Ты прекрасно знаешь как. Члены королевской семьи женятся рано. И ты видел его тело. Ему нужно как-то справляться со своими позывами. Должно быть, он уже начал своё брачное образование.

Иония почувствовал, словно его ударили по голове.

Брак. Брачное образование для брака.

Он никогда всерьёз не задумывался об этом, но это правда, что члены королевской семьи вступают в брак рано. Принц Иоахим, старший брат Грависа, был помолвлен с принцессой из соседней страны в семнадцать лет, женился в восемнадцать, а на следующий год стал отцом принца Кайла.

Но ему никогда не приходило в голову, что то же самое может быть верно для Грависа.

Гравис всё ещё был стройнее и Ионии, и Лукаса, отчасти из-за трёхлетней разницы в возрасте, но он всё равно был гораздо лучше сложен, чем средний мальчик его возраста. Вероятно, вскоре его торс станет шире, и он станет таким же физически крепким, как Лукас. В сочетании с его достоинством и самообладанием он на первый взгляд казался примерно шестнадцати-семнадцати лет.

Но это был Гравис, который всегда возводил вокруг себя прозрачную стену. Трудно было

поверить, что он занимается такими вещами ради физического удовлетворения. Даже когда они были одни, они никогда не говорили ни о чём, даже отдалённо сексуальном.

— Но... он приходит ко мне почти каждую ночь. Не может быть, чтобы он делал это...

Глаза Лукаса опасно блеснули.

— Каждую ночь? Он приходит к тебе каждую ночь? О, конечно. Он использует свою Силу... Значит, ты помогаешь его высочеству в этой области?

— Н-нет, идиот! Я бы никогда такого не делал! Мы с Ви... мы не такие!

— Тогда зачем его высочество, который, должно быть, чрезвычайно занят учёбой и официальными делами, приходит к тебе в комнату каждую ночь?

— Зачем? Он просто приходит повидаться со мной, мы разговариваем, а потом он уходит домой!

Лукас фыркнул в раздражении.

— О, так вы просто играете в семейку? Вы встречаетесь, болтаете, он уходит... и ты ожидаешь, что я в это поверю?

— Что? Я же не могу просто пойти и навестить его сам...

Иония не мог понять, почему Лукас так расстроен.

Теперь, когда он думал об этом, студенты их возраста говорили о том, как потерять девственность и найти партнёра, что, безусловно, было пикантной темой для разговоров. Однако он никогда не представлял, что у него самого когда-нибудь будет партнёр или что Гравис женится.

Почему он никогда не думал об этом раньше?

Единственным временем, когда Гравис и Иония могли быть на равных, были короткие мгновения, когда они оставались вдвоём в комнате Ионии в общежитии.

Но как долго это могло продолжаться?

В реальном мире он уже три года проводил время с Грависом в качестве его телохранителя и одноклассника. За пределами их безопасного убежища время шло, и Иония с Грависом начали подниматься по лестнице к взрослой жизни. Так почему же они думали, что их чистая, детская дружба, зародившаяся при первой встрече, продлится вечно?

На самом деле, возможно, они боялись раскрыть чувства, которые скрывались глубоко в сердцах друг друга. Возможно, они оба неосознанно заматали эти чувства под ковёр, опасаясь того будущего, к которому они могут привести.

— Лукас?

Иония заметил, что Лукас приблизился, пока он был погружён в свои мысли.

— Иония...

Крупная фигура Лукаса заслонила свет и окутала его тьмой. Сердце Ионии забило быстрее.

Он отступил назад, испуганный выражением лица Лукаса, который смотрел на него вблизи, словно сдерживая себя.

Спина Ионии упёрлась в дверь, отступить было некуда.

Он не мог позволить Лукасу сократить оставшееся между ними расстояние.

Иония заставил себя отвести взгляд. Развернувшись, он повернулся к Лукасу спиной.

— Я пойду к себе. Спасибо за подарок.

Он поблагодарил его и положил руку на дверь. Большая ладонь накрыла его руку.

Когда Иония вздрогнул от горячего прикосновения, Лукас прижался губами к его уху.

Иония содрогнулся.

— Иония... тебе нужно принять реальность. Ты должен взрослеть.

— О-о чём ты говоришь?

— Я наблюдаю за тобой уже давно. Я знаю... Я знаю, что ты хочешь оставаться тем же человеком, которым был, когда впервые встретил его высочество. Чтобы ваши отношения продолжались... Ты желаешь, чтобы время остановилось, чтобы всё оставалось как есть...

Иония начал дрожать, и Лукас нежно прижался губами к его шее.

— Как бы ни было по-детски твоё сознание, как бы ты ни игнорировал свои физические желания, ты уже изменился. Видишь...

Иония был ошеломлён горячим ощущением, разлившимся по его шее.

— Ах... Лука, перестань!

Он рефлекторно выгнул спину изо всех сил, сопротивляясь первоначальному порыву. Иония был пойман левой рукой Лукаса, которая сжимала его собственную, и правой рукой, которую Лукас поставил на дверь рядом с головой Ионии. Губы Лукаса нежно ласкали обнажённую, незащищённую шею.

Он не знал, как они оказались в этой ситуации, но Иония был во власти собственного желания и не мог вырваться из страсти Лукаса.

— Не только ты. Его высочество тоже меняется. Мы все взрослеем.

С этими словами большая ладонь Лукаса сжала пах Ионии, который источал слабый жар.

Жгучее возбуждение поднялось из живота Ионии.

— Нет... Перестань... Ах!

Иония издал слабый крик. Лукас тёр его, словно не слыша.

— Я люблю тебя... Иония. Я люблю тебя.

— Ах... Ах... Унг!

Лукас только усиливал жар.

Плоть Ионии, которую впервые ласкала чужая рука, в своём возбуждении отбросила разум.

— Ах... Ахн!

Он издал крик экстаза.

Лукас расстегнул штаны Ионии, отодвинул нижнее бельё и взял в руку его член. Иония уже был возбуждён.

Сальные звуки наполнили комнату.

— Перестань... Пожалуйста... Лука, перестань!

— Ты этого хочешь...

— Ах... Я не... Угх.

Он рухнул на дверь, и Лукас последовал за ним. Гибкие бёдра Ионии непроизвольно двигались, наслаждаясь удовольствием. Лукаса ещё больше дразнила щель между ягодицами Ионии, видневшаяся из-под спущенных штанов.

— Аххх... До... статочно...

— Ио, Иония... Выбери меня, Иония... Я не хочу видеть, как ты страдаешь.

Иония приближался к своему пределу.

По комнате разносились непристойные звуки и прерывистое дыхание.

— Чувства, которые вы с его высочеством питаете друг к другу, не должны развиваться дальше... Ты это знаешь. Поэтому ты отчаянно цепляешься за вашу невинную детскую дружбу.

— Замолчи... Я не хочу это слышать...

Опустив взгляд, Иония увидел свой влажный, набухший член, наслаждающийся ласками этого человека.

— Выбери меня, Иония... Я всегда могу быть рядом с тобой... Просто...

Иония выгнул спину, достигнув пика.

Перед глазами вспыхнуло.

Белое излилось из-под пальцев Лукаса, когда тот последний раз крепко сжал его.

Страсть отхлынула, как волна.

Иония стукнулся лбом о дверь, его дыхание стало поверхностным. Звук громко разнёсся по тихой комнате. Он снова и снова бился лбом о дверь. Если бы не это, он бы закричал. Как он мог это допустить? Неужели он действительно таков? Неужели он всего лишь жалкий раб удовольствия?

Он едва мог поверить, как хорошо это было.

Лукас, внезапно охваченный сожалением, отпустил его тело.

— Прости... Я знаю, что для оправданий уже поздно, но я не хотел заходить так далеко.

Напряжённое тело Ионии расслабилось. Он повернулся, прислонился спиной к двери и закрыл лицо руками. Опустив голову, он сдерживал слёзы из-за своей отвратительной слабости.

У него не было права плакать.

Как он мог, когда рука Лукаса доставила ему столько удовольствия?

Ответом Ионии на чувства Лукаса было густое белое желание. Его похоть запятнала любовь, которую Лукас всегда скрывал за шутками.

Лукас достал носовой платок и вытер испачканные руки. Он подошёл к Ионии с чистой тканью. Иония смотрел на него ошеломлённым, немного отсутствующим взглядом. Нежной рукой Лукас быстро вытер грязь с живота и одежды Ионии. Он даже позаботился о том, чтобы поправить сбившуюся одежду на его ногах.

Иония молча принял этот акт как своего рода извинение. У него также не осталось сил сопротивляться.

Все следы желания были стёрты. Но он больше никогда не будет невинным.

— Лукас. Это я виноват.

Лукас болезненно воспринял эти слова.

Насколько сильно он невольно играл с чувствами своего лучшего друга до сих пор, хотя Лукас всегда был рядом и ничего не просил взамен?

— Если эти руки будут уничтожать тела наших врагов, чтобы защитить его высочество... мы... защитим тебя, чтобы твоё сердце оставалось целым.

Лукас поклялся ему в этом. Он всегда был рядом. Это Иония невольно эксплуатировал эту чистую любовь, которая ничего не просила взамен. Он никогда не мог отдать Лукасу своё сердце, но всегда использовал его доброту как лазейку, как утешение, чтобы забыть о болезненной реальности.

— Я не хотел этого с тобой...

Лукас вздрогнул от этих слов, его губы задрожали от боли.

— Я люблю тебя, Иония. Я всегда любил тебя, хотя знал, что твоё сердце принадлежит его высочеству.

— Я уже некоторое время знаю... Прости, Лука.

Лукас опустил голову в ответ на слова Ионии.

— Я хотел относиться к тебе хорошо... Я знаю, что сейчас не имею права этого говорить, но... я всё ещё люблю тебя.

— Благодаря тебе я наконец понял...

— Иония...

— Ты был прав. Я неосознанно лелеял чувства, которых вообще не должен был иметь. — Лицо Ионии исказилось, и он прижал руку к тому месту, где его ласкал Лукас. — Он может быть на три года младше меня, и разница в статусе между ним, членом королевской семьи, и мной, простолюдином, может быть как между небом и землёй, но я любил Ви именно в этом смысле.

Доказательство его плотских желаний было прямо здесь.

— Ио, не отвергай меня так, — взмолился Лукас, прижимаясь лбом к груди Ионии.

— Лука... Ты мне нравишься. Ты мой лучший друг, и в этом смысле я люблю тебя.

Лукас ничего не сказал.

— Но я, наверное, всегда, всегда буду хотеть Ви.

Ты всё ещё хочешь быть моим лучшим другом сейчас?

— Я такой дурак. Может быть, это потому, что я простолюдин... Я действительно ничего не видел, кроме Ви. Почему...? Как это могло случиться?

Из глаз Ионии полились слёзы.

— Теперь ты знаешь, кто я на самом деле, Лука... Ты пожалеешь, что влюбился в меня.

— Слишком поздно. Я уже давно зашёл слишком далеко, чтобы повернуть назад.

— Всё моё сердце принадлежит Ви... и тебя это устраивает?

— Мне всё равно. Я давно заметил, что ты видишь только его высочество. Я наблюдаю за тобой годами. Но мне всё равно. Просто позволь мне оставаться рядом с тобой.

Иония слабо обнял Лукаса за плечо, пока тот прижимался к его груди, умоляя о любви. Он понимал, что, вероятно, будет пользоваться привязанностью своего лучшего друга ещё много раз в будущем. С любовью Лукаса как доспехами вокруг его сердца, Иония навсегда посвятит свою кровь и верность мальчику с глазами цвета ночного неба.

— Лука, я люблю Ви. Я могу быть не более чем его щитом, но я хочу Ви.

Слёзы Лукаса окрасили перед его рубашки, пока он рыдал.

Иония крепко зажмурился.

У него не было права плакать.

Когда Иония вернулся в свою комнату, Гравис, как обычно, сидел на его кровати, ожидая его.

— Ты поздно...

Мальчик, который наполнял маленькую комнату своими амбициями, теперь казался расстроенным.

Обычно Иония был бы на седьмом небе от счастья. Но сейчас, впервые, он не хотел его видеть.

— Ви, прости. Я сегодня устал...

Ему было так стыдно, что он не мог смотреть Гравису в глаза.

Гравис заподозрил неладное в поведении Ионии и раздражённо загнал его в угол у двери.

Глаза Ионии всё ещё были выше его.

— Иония, посмотри на меня.

— Ви...

— Ты избегаешь меня?

— Нет! Но прости. Я просто не могу сегодня. Тебе нужно уйти.

— Почему? Я не уйду, пока не услышу причину.

Это ослепительное мерцающее сияние тьмы. Иония не хотел, чтобы эти глаза, которые видели его насквозь, обнажили его грязные плотские желания.

Гравис был расстроен, что Иония не ждал его.

В его глазах скрывалось непризнанное желание исключительности. Какая-то уродливая часть Ионии радовалась этому. Гравис искал Ионию, не зная разницы между дружбой и любовью, которая приходит с похотью. Ещё несколько мгновений назад то же самое можно было сказать и об Ионии. Лукас, должно быть, давно понял, что старший Иония в конце концов будет страдать больше от их взаимной слепой, жестокой собственнической натуры.

Иония никогда не осознавал, что трёхлетняя разница в возрасте может быть такой жестокой. Несмотря на то, что он вырос выше мальчиков своего возраста и обладал выдающимся умом, который ставил в тупик большинство взрослых, Гравису было всего тринадцать лет. Не мог он просить мальчика на три года младше себя, к тому же принца, принять его чувства и его тело, обуреваемое похотью.

Ему было больно думать об ощущениях между ног, которые были результатом неожиданной встречи с Лукасом. Но что, если бы пальцы, которые тогда скользили по его возбуждённому члену, принадлежали Гравису? Мысль о том, что он хочет такой связи с принцем, который на три года младше и так далёк от него по статусу, одинаково смущала и ранила Ионию.

Гравис провёл пальцами по его шее.

— Ио. Что это за отметины?

Его пальцы коснулись того самого места, по которому провёл губами Лукас, и его взгляд был готов убить. Иония был в ужасе.

— Иония... Объясни... Кто оставил на тебе эти отметины?!

Иония оттолкнул его пальцы, не успев подумать.

— Ио... Ты...

Лицо Грависа исказилось от разочарования из-за отказа.

Мерцание звёзд исчезло из его глаз, и теперь они казались безлунной ночью.

— Мне больше нельзя приходить к тебе?

— Нет, конечно, можно...

Его голос звучал как мольба.

— Но если у тебя есть кто-то, я больше не могу тебя навещать.

«Кто-то». Именно это только что сказал Гравис.

О, он уже знал. Он точно знал, как выглядят отметины от любовных укусов.

Лукас был прав. Принц, которого Иония считал таким же невинным, как и он сам, уже знал, к чему приводит плотское желание. И всё же внутри Грависа только его чувства к Ионии не обретали чёткой формы. Или, возможно, он даже не чувствовал необходимости придавать им форму.

Как я мог думать, что мы навсегда останемся детьми?

Гравис потерял дар речи. Иония прислонился спиной к двери и молча наблюдал. Ситуация, так похожая на ту, что была в комнате Лукаса, была настолько нелепой, что он не смог сдержать сухого смешка.

Лицо Грависа исказилось от боли.

— Я тебе больше не нужен, да?

— Нет, ты единственное, что мне когда-либо было нужно, — заверил Иония. Это всегда останется правдой. — Послушай меня, Ви. Что бы ни случилось, моё сердце никогда не изменится. Ты всегда будешь для меня на первом месте.

Глаза Грависа цвета ночного неба дрогнули от его слов.

— Я хочу, чтобы ты всегда доверял мне свою спину. Я хочу всегда быть рядом с тобой... Пожалуйста, поверь мне.

— Тот, кто оставил эти отметины, - твой возлюбленный? — настаивал Гравис. — Скажи... Это Лукас Брандт?

— Ви. Я не хочу больше об этом говорить.

— Ответь мне, Иония!

Видя негодование Грависа, Иония чувствовал и радость, и печаль.

Гравис ревновал. Он ревновал, потому что знал, что кто-то прикасался к Ионии сексуально.

И тогда Иония солгал.

— Да... Лукас - мой возлюбленный.

Он не колеблясь использовал Лукаса.

Гравис прикусил губу, его лицо побледнело, и он мгновенно исчез из комнаты.

Охваченный бурей бурных эмоций, Гравис не заметил следов слёз на щеках Ионии.

Гравис ворвался в свою комнату во дворце и в ярости смахнул кувшин и стаканы с бокового столика.

Кто-то нетерпеливо постучал в дверь, услышав ужасный шум.

— Ваше высочество! Что случилось?!

— Не входи!

Другая сторона двери мгновенно замолчала, услышав взволнованный голос Грависа.

— Вы ранены? Можно мне войти в комнату?

— Я в порядке. Ничего не случилось. Я просто уронил кувшин. Оставьте меня до утра.

Человек за дверью снова замолчал.

Гравис крепко сжал кулаки, пытаясь взять себя в руки. Но затем он вспомнил красные отметины на шее Ионии, и его гнев снова вскипел внутри.

Иония сказал, что эти отметины оставил его возлюбленный.

И что с того? Гравис уже прошёл своё брачное образование. У него тоже бывало напряжение, и он знал, что нужно регулярно с ним справляться.

Ионии было шестнадцать. Гравис не должен был удивляться, что у него есть кто-то, кто помогает ему справляться с физическими позывами.

Для Грависа Иония был уникальным и незаменимым. Иония даже сказал ему, что он самый важный человек в его жизни и что он будет рядом с ним вечно.

Гравис отчасти был ответственен за то, что силой изменил ход жизни Ионии — это были лучшие слова, о которых он только мог мечтать. Будь у него возлюбленный или нет, Иония всегда будет принадлежать Гравису.

Так почему же его грудь так болела?

Почему? Разве я не на первом месте в конце концов? Его возлюбленный будет знать об Ионии всё, даже то, чего не знаю я... Как он посмел?!

Мысль о том, что Лукас прикасается к этому мускулистому, красивому телу, к коже, скрытой одеждой, заставляла его мысли темнеть от гнева. Гравис наконец понял. Это была ревность. Несомненная собственническая ревность.

Я хочу, чтобы весь Иония был моим...

Лукас уже становился взрослым мужчиной. По росту и ширине Гравис всё ещё не мог сравниться с Лукасом. Он даже ещё не перерос рост Ионии. Трёхлетняя разница в возрасте

была непреодолима в тот период, когда мальчики превращаются в юношей.

Прежде всего, Гравис не мог позволить себе роскошь предаваться любви. Король заболел. Это была не серьёзная болезнь, которая убила бы его сразу, но если бы она стала известна, вопрос о престолонаследии снова вспыхнул бы. На этот раз Гравис мог оказаться в конфликте со своим братом за трон, хочет он этого или нет. А это означало, что жизнь Ионии могла оказаться в опасности.

У меня нет права умолять о привязанности Ионии. Я всё ещё ребёнок, незрелый во всех смыслах.

Гравис прикусил губу.

Пять лет назад, когда он впервые встретил Ионию, Гравис переживал трудное время. Это было примерно во время смерти матери наследного принца, леди Бриджит. Гравису было восемь лет. Смерть наложницы спровоцировала конфликт между фракцией наследного принца и фракцией, желавшей видеть второго принца следующим королём.

Гравис обожал своего сводного брата, который был старше него на десять лет. По сравнению со своим очаровательным младшим братом наследный принц имел довольно обычные светло-каштановые волосы и глаза и мягкий характер, им соответствующий. Несмотря на разницу в возрасте, он был добрым старшим братом и всегда гладил Грависа по голове и говорил несколько добрых слов, когда они встречались.

Он также был единственным, кто проявлял к нему такую семейную привязанность своими действиями. Адель была достойной женщиной, и Гравис иногда чувствовал её привязанность к себе, но она была королевой прежде, чем матерью, и никогда не обнимала его и не нянчилась с ним.

Когда Гравис начал проявлять свои выдающиеся качества, между ним и его братом незаметно для него начала возводиться стена. Гравис не мог понять, почему его брат стал таким далёким, и это печалило его. К шести годам Гравис уже понимал сложную ситуацию, в которой они с братом находились.

Наследный принц Иоахим обладал мягким нравом. В обычных обстоятельствах эта мягкая натура была бы достоинством. Но, к несчастью для него, он родился наследником великого монарха и имел младшего брата, излучавшего подавляющее величие и харизму. Присутствие Грависа делало его мягкое поведение банальным - некоторые могли бы даже сказать слабым - в глазах людей.

Когда они встретились после долгой разлуки, наследный принц погладил брата по голове и прошептал: «Ты более достоин быть королём, и по крови, и по уму».

Гравис знал, что его присутствие доводит брата до белого каления, но не знал, что делать. Гравис не мог разочаровать свою мать. Он понимал трудную жизнь Адели и те страдания, которые она ему приносила.

Адель родилась первой принцессой Королевства Франкур, страны, столь же могущественной, как и Фанорен, и вышла замуж за Георга в восемнадцать лет. Бабушка Адели была членом королевской семьи Фанорена, которая вышла замуж во Франкур, поэтому Адель была принята с распростёртыми объятиями народом королевства из-за её крови, красоты и исключительных глаз. Однако, несмотря на её кровь, ум, красоту и положение королевы великой державы, единственное, чего Адель не могла иметь, была любовь её мужа, короля Георга.

Всего через шесть месяцев после брака Адели король Георг привёл во дворец Бриджит, которой тогда было восемнадцать, в качестве своей наложницы.

При нормальных обстоятельствах было бы скандалом для короля взять наложницу сразу после женитьбы на принцессе из такой могущественной страны, как Франкур. Однако Георг был человеком импульсивным, и чем больше окружающие возражали ему, тем более ненормально он привязывался к Бриджит.

Бриджит была дочерью небогатого дворянина, слишком низкого происхождения, чтобы быть наложницей. Но после того как Бриджит удочерил дальний родственник, маркиз, для сохранения внешних приличий, король самовольно решил сделать её своей наложницей, игнорируя возражения своих ближайших советников и яростные протесты Франкура.

Более того, Бриджит забеременела вскоре после прибытия и год спустя родила Иоахима, наследного принца. К тому времени всем внутри страны и за её пределами было ясно, что благосклонность короля принадлежит его наложнице, и Адель была унижена дважды: как женщина и как законная королева.

Однако врождённая гордость и здравый смысл Адель не позволили ей испортить отношения между двумя королевствами, и поэтому она выполняла свои официальные обязанности как королева. Бриджит же была слабой женщиной, не имевшей собственной воли и легко поддающейся манипуляциям. Из-за своей хрупкости Георг заикнулся на ней и благоволил ей. Однако Бриджит не была обучена быть королевой. У неё не было ни стержня, ни мудрости, чтобы посоветовать Георгу отдать ей положение законной королевы.

Адель зачала ребёнка в объятиях мужа, который не любил её и посещал её спальню только из вежливости, чтобы поддержать видимость, только через одиннадцать лет после замужества в Фанорене.

Она родила прекрасного мальчика с чёрными волосами, унаследованными от короля Георга, и глазами необыкновенного цвета, редко встречающегося в королевской семье Франкура: индиго с золотыми вкраплениями, известными как глаза цвета ночного неба.

Адель была в восторге.

Период тоски по привязанности мужа давно прошёл. Вместо этого она посвятила себя Гравису. Когда её красивый сын, так похожий на неё, начал проявлять свои способности как потенциальный монарх, чистое сердце мудрой королевы Адели, озабоченной судьбой своей страны, постепенно обратилось к другим желаниям. Некоторые из почитателей Адели также начали призывать к тому, чтобы второй принц стал наследником, учитывая его блеск и его превосходную кровь.

Смерть наложницы леди Бриджит вывела этот конфликт на передний план. Иоахим, потерявший поддержку своей матери, любимой фаворитки короля, был лишён титула наследного принца, и возникло движение в поддержку Грависа как нового наследного принца. Хотя его мать, законная королева, якобы не была вовлечена в борьбу за престолонаследие, Гравис знал, что её желания играли важную роль за кулисами.

Гравис был разорван между любовью к брату и любовью к матери. Более всего он отчаивался от того, что его существование станет фитилём, ведущим страну к конфликту. Он хотел, чтобы его брат взойшёл на трон, не разочаровывая при этом свою мать.

Именно тогда Стольф, желая отвлечь юного принца, который мучился из-за своего положения,

вывез его из дворца. Стольф также признавал качества второго принца и считал его более подходящим для роли следующего короля. Однако он также понимал желание Грависа избежать ненужных конфликтов, которые ослабили бы страну. Если бы они нарушили законы страны в борьбе за престол, Франкур был бы втянут, и страна оказалась бы необратимо разделена.

Затем Гравис встретил мальчика с фиалковыми глазами в кузнице в квартале простолюдинов. Словно луч утреннего солнца, этот мальчик ворвался прямо во тьму Грависа. Хотя он знал, насколько опасным было будущее, в которое он втягивал Ионию, Гравис отчаянно хотел оставить его рядом с собой.

Он понятия не имел, что последствия этого выбора будут такими болезненными.

Однажды Ионию вызвал к себе директор после тренировки.

Седой старик, как обычно, мягко улыбнулся и пригласил Ионию в свой кабинет.

— А, вот и ты, Иония. Я рад, что его высочество принц Гравис так вам доверяет. Прошло пять лет с тех пор, как вы пришли сюда, не так ли?

Иония молча кивнул.

Директора, казалось, не смутил такой ответ. Он не считал не-дворян равными, поэтому ему было всё равно на отношение Ионии.

Иония ненавидел директора и его пуризм крови. Разговаривая с этим человеком, он быстро понял, что идея Фанорена как страны, где простолюдинам предоставляются возможности, была полной иллюзией. Не нужно быть гением, чтобы понять, почему такой человек был главой академии высших наук.

— Я рад, что его высочество пока что в безопасности, по крайней мере на территории кампуса... И, конечно, ваша семья, должно быть, облегчённо вздыхает, что вам ничто не угрожает.

— Зачем вы вызвали меня, сэр?

— Верно. Полагаю, хватит светской беседы. Сегодня у меня для вас есть совет.

Иония слегка склонил голову. Директор впервые обратил свой взгляд на Ионию.

— Я правильно понимаю, что вы на стороне его высочества?

Иония не знал, к чему клонит директор. Однако не было на свете ничего, что заставило бы Ионию предать Грависа. Поэтому он молча кивнул.

— Отлично. В таком случае, пожалуйста, сохраните в тайне то, что услышите здесь. Его величество король заболел. Об этом знают только самые близкие к нему люди, но ему поставили диагноз - неизвестная болезнь.

— Что?

Он не ожидал, что ему сообщат столь важную государственную тайну.

— Разрешено ли вам делиться со мной такими важными государственными секретами?

— Вы особенный. Я уверен, вы поймёте. Если с его величеством что-то случится... это будет означать, что время настало. Вы понимаете, что это значит, не так ли?

Некоторые дворяне, обеспокоенные будущим Фанорена, озабочены тем, кто должен быть следующим королём, продолжил директор страстным тоном.

Иония, разгневанный эгоистичными желаниями тех, кто окружал Грависа и настаивал на игнорировании его воли, спросил:

— А как насчёт желаний самого Грависа? Все, даже вы или королева, должно быть, уже знаете. Вы хотите сместить наследного принца и сделать Грависа королём, но... Гравис не хочет этого.

Директор покачал головой.

— Королева понимает, что его высочество воздерживается от претензий на эту позицию из уважения к наследному принцу. Но вы видите так же хорошо, как и я. Его высочество принц Гравис - самый подходящий человек, чтобы быть королём.

В конце концов, всё сводилось к одному и тому же.

Даже Иония знал, что у Грависа есть качества короля.

Последние четыре года Иония наблюдал за природным талантом принца ближе, чем кто-либо другой. Но сам Гравис не хотел быть королём. Он не хотел стать искрой, которая уничтожит страну. Он хотел позволить своему брату, которого любил и уважал и считал добрым и мягким человеком, унаследовать трон, а самому оставаться в тени и использовать свою военную доблесть, чтобы поддерживать его правление.

— Некоторые обеспокоены тем, что его мать иностранного происхождения. Однако королева Адель также является внучкой сестры бывшего короля. Как член королевской крови Фанорена, королева Адель имеет гораздо более благородную, более драгоценную кровь.

Чёртовы пуристы крови, подумал Иония в гневе.

— Кроме того, эта наложница состояла в сговоре с сыном Лагареа. Она соблазнила короля и родила его первенца. Мы даже не можем быть уверены, что наследный принц действительно носит королевскую кровь.

Иония не верил своим ушам.

Они могли быть одни, но заявление этого человека граничило с богохульством. Такое безрассудное замечание могло привести к наказанию для них обоих - что мог сказать в своё оправдание директор?

— Мать наследного принца Иоахима, леди Бриджит, была из семьи виконта, связанной с маркизом Лагареа. Её происхождение было слишком низким, чтобы стать наложницей, поэтому перед замужеством её удочерил родственник. Она и Бруно, сын маркиза Лагареа, были приёмными братом и сестрой... Но я знаю правду. Бруно и леди Бриджит, должно быть, были любовниками. Я не сомневаюсь, что именно король Георг встал между ними, когда он влюбился в леди Бриджит с первого взгляда.

Иония покачал головой.

— Этого не может быть... Если бы это было так, давно разразился бы скандал.

Идея о том, что Бриджит когда-то была влюблена в Бруно Хенкеля, наследника маркиза Лагареа, была самым низким обвинением.

— Наследный принц - сын леди Бриджит. Чтобы укрепить своё положение, он нашёл себе принцессу Эмилию из Франкура, чтобы составить конкуренцию королеве Адели. Поэтому он также так рано обзавёлся наследником престола.

— Ви также говорил, что наследный принц - добросердечный человек. Зачем ему конкурировать с королевой?

Директор снова покачал головой.

— Наследный принц обманывает его высочество принца Грависа. Теперь, когда дни короля сочтены... фракция наследного принца непременно предпримет попытку покушения на жизнь его высочества.

<http://bllate.org/book/13977/1596546>